

На странном холсте, покрытом несчищенными пятнами краски, появилась тень. Тень обрела глубину. Мазки, лёгкие и небрежные, создали какую-то смутную и неброскую зелёную дымку. Серое пятно превратилось в силуэт здания с причудливыми балконами. Верхний этаж растаял в небе. Город вырастал из фантазий и причудливых историй, рассказанных давно. Из книг, найденных на полках. Из странных голосов и шелеста листьев. Но город ещё не был настоящим. Он никогда не может быть настоящим.

Здесь даже поздним летом ощущаешь цветение каштанов. Здесь воробьи кричат «тюильри», нарушая традиции своей породы. Выходя на мост, ты видишь всегда не часть города, а лишь часть его представления о себе. Он меняется, переодеваясь к завтраку, обеду и ужину. Он не забывает, что ночь — это время самых изящных одежд. Набережная Сены. Люди гуляют, сидят, играют в шары. Кораблики перебирают винтом тяжелую и плотную воду.

Старый собор сам собой заговорил своими колоколами, прервав на время звон шпак за углом. Стук копыт сменился тихим шорохом шин, и вновь стучат копыта. Конная полиция проехала, исчезая за углом Лувра.

Показалось, промелькнуло что-то голубое, украшенное королевскими лилиями. Дождь тихо накатился на город, умывая свежие, но нечёткие краски. Зелень стала ярче. От вокзала Аустерлиц мимо ботанического сада с памятником Ламарку, к Пантеону, дальше к Люксембургскому саду, наполненному статуями прошлых владельцев и скульптурными извержениями современности. Пауза. Томительное наслаждение законченным совершенством регулярного стиля.

Самоистязание от восторга под стриженными каштанами и липами. Шахматы под небольшим навесом. Дождь становится сильнее, предлагая сыграть партию, другую. Снова солнце. Скорее наружу, на улицы к магазинам с вечно гламурными именами. Бульвары, прекрасные каждым домом и каждым кафе на перекрестках.

Бульвар Инвалидов названием напоминает не ветеранов войн, а мир, окружающий этот город. Вот и нужный поворот. Музей Родена. Парк. Задумавшийся человек. Чувства и

мысли становятся материальными, каменными и металлическими. А металл и камень переполняются чувствами и мыслями. Дальше. Гробница императора и его маршалов. Где-то реют знамена. Звучат барабаны. Пусть. Марсово поле пусто. Войска не построены. Ещё не вечер.

Парень расставляет столики в кафе на Больших бульварах. Утреннее солнце освещает здания, пытающиеся стать воздухом. Карта в мобильнике зовёт на север, на рю Монмартр. Круг, другой в поисках чуда. Нет, не теперь. Назад к центру. Угол бульвара Капуцинов. Устрицы и белое вино. Наверное, иначе нельзя. Площадь, колонна. Бутики. Дальше к Сене на Риволи, налево. Запах непросохших масляных красок от стопок холстов.

Интенсивный импрессионизм. Направо.

Маленький Нотр-Дам разговаривает с Лувром. Свечи и витражи. Кто-то молится, пряча лицо под вуалью. Сент-Амбруаз. Опять витражи и свечи. Руки сами берут и подносят свечу к огню. Слова, не вылетая изо рта, становятся молитвой. Кажется, что с миром людей собор соединён только дверью. Всё остальное там.

Город наполнен душами, исторгнутыми из стен Нотр-Дам де Пари. Да, мы все химеры. Хоть местные, хоть залётные, решившие вдохнуть свежего ветра радости, что гуляет вдоль Елисейских полей. Ну и что, химерам иногда надо слегка развлечься. Духи, одежда, кофе и вкусная еда — всего лишь приятные цепочки, соединяющие нас с материальным миром. И всё это здесь, в городе, похожем на любовь. Переменчивом и очень ветреном.

А вот теперь — вечер. Армия ждёт на Марсовом поле. Шампанское открыто, и пенная струя бьёт в небо. Нет, это звёздный вихрь, исторгающий вопль человеческого восторга. Синяя ажурная мечта, мерцающая над тысячами горожан. Шампанского, месье!? Ну, может, бокал. Теперь назад, к себе в отель над бессонной кафешкой, спать. Скоро снова утро в Париже.

